

О. Б. Кафанова

Санкт-Петербургский институт бизнес-инноваций

НОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА¹

Статья посвящена характеристике нового немецкого перевода «Записок охотника» И. С. Тургенева. К исследованию привлекаются труды по проблемам теории перевода, в частности «непереводимого» в переводе. В качестве основного метода применяется сравнительно-сопоставительный анализ переводов «Записок охотника», выполненных П. Урбаном (2004) и В. Бишицки (2018). Последний перевод направлен на максимальное раскрытие сложных для немецкого читателя реалий, то есть в большей степени ориентирован на стратегию смысла. Урбан предпочел стратегию формы, стремясь быть максимально близким к «букве» оригинала. В целом появление двух переводов является проявлением феномена синхронической переводной множественности, выражающейся в соревновании талантливых переводчиков и обогащении немецкой культуры.

Ключевые слова: перевод; Бишицки; переводческая стратегия смысла; стратегия формы

1. Введение

Цель и задачи исследования состоят в характеристике нового немецкого перевода «Записок охотника» Тургенева и выяснении причин его появления через четырнадцать лет после выхода довольно удачного предыдущего перевода. К исследованию привлекаются труды по теории перевода, в частности по проблеме «непереводимого» в переводе (С. И. Влахова, С. П. Флорина, Б. Д. Добровольского), а также работа Е. С. Бабкиной и С. П. Стрелковой, посвященная выявлению способов передачи на немецком языке реалий текста Тургенева. Новизна исследования состоит в том, что перевод В. Бишицки впервые становится предметом специального анализа.

В 2018 г. вышел новый немецкий перевод «Записок охотника», приуроченный к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева: «Aufzeichnungen eines Jägers» (München: Karl Hanser Ver-

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-013-00684 «Классика в диалоге с современностью: теоретические и методические аспекты изучения русской литературы».

lag,). Его автором является Вера Бишицки (Vera Bischitzky), немецкий славист, переводчик художественной литературы с русского языка, издатель и редактор, автор статей по истории культуры. В. Бишицки — лауреат нескольких престижных премий. Первой ее наградой стала Helmut-M.-Braem-Übersetzerpreis — премия, вручаемая Союзом немецких переводчиков, писателей и издателей раз в два года; В. Бишицки удостоилась данной высокой награды в 2010 г. за перевод и подготовку немецкого издания «Мертвых душ» Гоголя.

В 2014 г. Бишицки победила в номинации «Наследие И. А. Гончарова: исследования и просветительство» и получила Международную литературную премию имени И. А. Гончарова, которая была учреждена в 2006 г. Правительством Ульяновской области и Союзом писателей России.

В Германии известность и популярность «Записок охотника» среди немецких читателей утвердилась с середины 1850-х гг. после выхода в свет первых рассказов в Лейпцигской «Романгазете» (1852) в переводе Августа Видерта (Viedert). В 1854 г. Видерт издал десять рассказов отдельной книгой. Однако в 1855 г., к большому огорчению Тургенева, вышел второй том рассказов «Записок» в переложении уже другого переводчика, Августа Больца (Boltz). В 1875 г. «Записки...» появились в «Митавском издании» («Skizzen aus dem Tagebuche eines Jägers»).

И эта версия также очень огорчила Тургенева. Он пишет издателю Б. Э. Бере 3/15 июля 1874 г.: «Хочу попросить Вас доверить оба новых фрагмента *хорошему* переводчику» (Тургенев 2002: 312). Чуть позже, 16 ноября он обратился к Людвигу Пичу:

«Только что получил последние корректурные листы “Записок” ... О, сколько радости! Нет — более жалкого переводчика еще не было» (Ibid.: 338).

И снова вопль отчаяния обращен к издателю Бере 22 ноября:

«Господин переводчик имеет крайне поверхностное представление о русском языке; всякое не совсем обычное слово, всякое скольнибудь оригинальное выражение ставит его в тупик, и он отдается в опасную область “приблизительного”, отчего рождаются на свет самые причудливые и невероятные вещи!! Могу привести Вам один пример из сотен, когда смысл слова подлинника переворачивается буквально с ног на голову! [...] Дальше так продолжаться не может» (Ibid.: 339).

Не все переводчики «Записок охотника» на немецкий язык были профессионалами. По большей части это были прибалтийские или русские немцы, которые принимались за работу без специального образования. Всего за период с 1854 по 2004 гг. появилось 13 немецких «Записок...». Их названия несколько варьировались: «Federzeichnungen eines Jägers», «Memoiren eines Jägers», «Erzählungen eines Jägers» или «Jäger, Bauern und Barone. «Aufzeichnungen eines Jägers» (среди переводчиков кроме названных были Манфред фон дер Ропп, Алексис Марков, Ганс Мозер, Бенно барон Толль, Дора Берндл-Фридманн, Герберт Вотте, Элизабет и Владимир Вонзиатски). Можно назвать и крупных переводчиков, Александра Элиасберга (Eliasberg, 1978-1924) и Йоханнеса фон Гюнтера (Guenther (1886-1973), которые включили Тургенева в большой список своих переводов из русской литературы. Элиасберг выпустил «Aufzeichnungen eines Jägers» (1924), а Гюнтер подготовил том избранных произведений Тургенева («Iwan Turgenjew Klassiker», 1957), в который вошли «Записки охотника», романы «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети» и некоторые повести.

Последний значительный перевод «Записок», сделанный известным переводчиком Петером Урбаном (Peter Urban, 1941-2013), вышел в Цюрихе в 2004 г. под названием «Aufzeichnungen eines Jägers» с послесловием переводчика.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования являются два перевода на немецкий язык «Записок охотника» И. С. Тургенева, выполненные П. Урбаном (2004) и В. Бишицки (2018). При их анализе и интерпретации используется традиционная методология компаративистских исследований, в качестве основного метода применяется сравнительно-сопоставительный анализ переводов «Записок охотника». Выявляются переводческие принципы и приемы, направленные на воспроизведение художественной стилистики оригинала, трудной для восприятия иностранцев в связи с обилием специфических реалий.

2.1. Характеристика перевода Петера Урбана

Интересно вначале остановиться на анализе переводческих принципов и приемов Петера Урбана, который в 1990-2000 гг. имел репутацию лучшего переводчика русской классики на немецкий язык. Библиография переводов русской литературы

Урбана насчитывает более 90 имен. Он переводил Пушкина, Гоголя, Тургенева, Бунина, Бабеля, Хармса, Ерофеева. И хотя Чехов оставался самым любимым автором в наследии переводчика, он стал первым обладателем премии Тургенева, учрежденной в год 190-летия со дня рождения русского писателя (2008) с призовым фондом 20 тысяч евро; она присуждается за выдающиеся достижения в области художественного перевода русской литературы на немецкий язык.

«Записки охотника» трудны для перевода на иностранные языки вследствие содержащихся в них многочисленных реалий крестьянского быта и национально-исторического колорита. Приведем результаты интересного исследования, которое провели молодые российские ученые. На основе анализа нескольких рассказов («Хорь и Калиныч», «Малиновая вода», «Бурмистр», «Мой сосед Радиллов») они выявили основные переводческие приемы, к которым прибегал Урбан: функциональный аналог, транскрипция, родовидовая замена, калькирование и описание (Бабкина, Стрелкова 2018: 40-49).

По частотности использования первенство принадлежит функциональному аналогу (48%), под которым понимается «элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у читателя» (Швейцер 1973: 354). Например, *Орловский мужик живет в дрянных осиновых избенках*. — *Der Orjolsche Bauer lebt in elenden Hütten*. В данном примере русская реалия *избенка*, обозначающая деревянный крестьянский дом, заменяется при переводе на немецкое слово *Hütte*, т. е. маленький дом, состоящий из одного помещения.

Вторым по частотности использования (25%), согласно результатам исследования, является способ передачи русскоязычных реалий с помощью транскрипции, т. е. перевода слова графическими средствами с максимально приближенным звуковым соответствием его оригинальной фонетической форме (Влахов 2009: 83). Например: *верста* — *eine Werst*; *десятина* — *Desjatine*, *руд* — *das Pud*; *пятьдесят рублей* — *fünfzig Rubel*. Прием транскрипции применяется Урбаном также при переводе тех реалий, которые связаны только с традиционной русской культурой: *квас*, *бала-лайка*, *самовар*, *кафтан*, *казак*.

Реже П. Урбан использовал в переводах прием перевода реалий с помощью родовидовой замены (12%), применяя *гиперо-*

нимы, которые выражают более общую сущность переводимого понятия (Влахов 2009: 87). Этот метод не позволяет сохранить национально-культурный колорит подлинника: *пуховый картуз* — *eine warme Mütze*. Картуз на Руси обозначал мужской головной убор с жестким козырьком (Ожегов, 1973: 247), а лексическая единица *Mütze* имеет значение «головной убор из мягкого материала, с козырьком или без него». Особенно утрачиваются различия при передаче национальной одежды: *сюртук*, *армяк* переводятся с помощью лексической единицы с широким значением — *der Rock*.

В 8% случаев исследователи отметили использование калькирования, под которым понимается заимствование иноязычной реалии путем буквального перевода, зачастую по частям, слова или словосочетания (Влахов 2009: 85). Обычно кальки представляют собой словосочетания, но ввиду типологических особенностей немецкого языка в проанализированном языковом материале они представлены сложносоставными существительными: *Это был вольноотпущенный человек графа...* — *Es war der Freigelassene der Grafen...*

Довольно редко Урбан использует замену реалии иностранного языка на реалию переводящего языка. На долю применения этого приема приходится только 6% проанализированных примеров. Данный способ приводит к замещению колорита первоисточника на колорит немецкоязычного текста (Влахов 2009: 86). Например: *Зеленое вино* — *Schnaps*. Реалия *зеленое вино* обозначало на Руси водку, настоянную на травах (Ожегов, 1973: 77), тогда как *Schnaps* представляет собой алкогольный напиток с высоким содержанием алкоголя.

Наконец, крайне редко Урбан прибегал к приему описания, только в тех случаях, когда нет другой возможности передать единицу оригинала, поскольку в переводящем языке это понятие или явление отсутствует (Влахов 2009: 88): *В Светлое Воскресенье с ним христосовались...* — *Am Ostersonntag tauschte man mit ihm zwar den Osterkuß...*

Глагол *христосоваться* в русской культуре означает «тремякратно целоваться, поздравляя друг друга с праздником Пасхи» (Ожегов 1973: 798). В течение многих веков в русской православной церкви существовала традиция взаимного целования верующих при совершении пасхального Богослужения. По-

здравляя друг друга, христиане уподобляются ученикам Господа, которые после Воскресения утверждали, что «Господь истинно воскрес!» В немецкой культуре такая традиция отсутствует, что делает необходимым использование приема описания.

Проведенный Бабкиной и Светловой анализ переводов Урбана достоверно демонстрирует, что в абсолютном большинстве случаев переводчик использовал приемы, позволяющие сохранить реалии, воссоздающие атмосферу культурно-бытовой и крестьянской жизни России XIX века. Иными словами, переводчику во многом удалось воспроизвести специфику стилистики тургеневского текста, и тургеневская премия была ему присуждена заслуженно.

2.2. Переводческие подходы, принципы и приемы Веры Бишицки

Тем не менее, Вера Бишицки решает выпустить свой перевод спустя четырнадцать лет после знаменитого переводчика. Сама она объясняет мотивы своего обращения к новому переводу довольно подробно и обстоятельно: «Сегодня мы гораздо больше, чем в прежние времена, стремимся сочетать филологическую точность с попыткой воссоздать художественное звучание оригинала, сохранить все особенности и стиль автора и снабдить читателей в комментарии необходимым фоном — дополнительными сведениями из истории и культуры страны и из биографии автора» (Бишицки 2018: 15).

Приложение к «Запискам» составляет девяносто страниц — примерно одну шестую часть всего объема книги. Оно состоит из Послесловия (Nachwort), дополнительного послесловия к новому переводу (Zur Neuübersetzung), послесловия к настоящему изданию (Zu dieser Ausgabe), а также развернутых комментариев к тексту (Anmerkungen). Переводчица включает и «Письмо из Петербурга»; в нем рассказаны обстоятельства, в связи с которыми Тургенев был арестован и приговорен к двухлетней ссылке в Спасском. В обширных примечаниях-комментариях к тексту наряду с объяснениями реалий, особенностей русской действительности В. Бишицки приводит и многочисленные отрывки из писем или высказываний современников. Таким образом, переводчица ориентируется в большей мере на массового читателя, которого стремится ввести в широкий контекст создания произведения и творчества Тургенева в целом. Одной из главных за-

дач она считает возведение «мостов между странами и культурами» (Bischitzky 2018: 568). Вместе с тем она выражает надежду, что чтение нового перевода будет способствовать лучшему пониманию процессов, происходящих в современной России.

Появление своего перевода Вера Бишицки объясняет не только новыми потребностями читателя, но и расширившимися возможностями переводчика. В специальном послесловии² она заявляет: «Каждый переводчик приближается к иностранному тексту по-своему, со своим словарным запасом, своим опытом. Разумеется, каждый старается, насколько возможно лучше воспроизвести точный смысл, стиль, тональность, ритм оригинала» (Bischitzky 2018: 569). Современный переводчик, в отличие от своих предшественников, имеет возможность пользоваться многочисленными дополнительными научными источниками в библиотеках, архивах, университетах и академиях всего мира.

О «внешнем» поводе для осуществления нового перевода — юбилее Тургенева — уже говорилось. Немаловажной причиной его появления стало и развитие «переводящего» языка. Язык подвержен постоянным изменениям, сдвигаются оттенки значений, даже лексемы и фразеологизмы, которые кажутся хорошо знакомыми, приобретают дополнительные значения. То, что было понятно современникам Тургенева, вызывает сложность в понимании читателя, тем более иностранного, в настоящее время.

Вера Бишицки приводит один «курьезный» случай: Ондворец Овсянников в одноименном рассказе говорит охотнику об одном соседе:

«Пьяный был человек и любил угощать, и как подопьет да скажет по-французски “се бон” да облизнется — хоть святых вон неси!»

В переводе В. Бишицки:

«Er war ein Trunkenbold und hat gern auch andere freigehalten, und wenn er was getrunken hatte und auf Französisch “c'est bon” gesagt und sich die Lippen geleckt hat, hätte man am liebsten alle Heiligenbilder rausgetragen!» (Bischitzky 2018: 89).

Чтобы понять выражение «хоть святых вон неси!» Вера Бишицки предпринимает сложное исследование, в результате которого находит книгу XVII века, принадлежащую голландцу

---

² Перевод «Послесловия» мой — О. К.

Яну Янзону Страусу (Struys), совершившему путешествие по России и описавшему обычаи «москвитов» (Bischitzky 2018: 598). В этом случае переводчица проявила упорство, стремясь найти истоки вопроса, а не отыскивать ответ на него во фразеологических русских словарях.

В Большом академическом словаре применение фразеологизма *хоть святых вон* неси (выноси, уноси) и т. п. характеризуется слишком широко: речь идет «о чем-либо непристойном, безобразном» (БАСРЯ 2009: 469). Синтаксические контексты употребления этого фразеологизма в общем однотипны, они встречаются в произведениях разных писателей. О поговорке *хоть святых вон уноси* как выражении почтения к иконам писал С. В. Максимов:

«...во многих местах завешиваются иконы во время пиршеств, пляски и других развлечений; нельзя сидеть в шапке, свистать: все это большой грех» (Максимов 1899: 443-444).

Суть этой поговорки состоит в древнем культовом убеждении, что почтение к иконе должно оберегать ее от созерцания всего непристойного, греховного или присутствия при неприличных событиях.

Для понимания той бытовой древнерусской основы, на которой сложилась древнерусская поговорка *«хоть святых вон выноси»* характерны замечания голландского дворянина (на которого и ссылается В. Бишицки), приезжавшего в 1675 г. в Москву в свите посольства К. фон-Кленка:

«Хотя русские и в брачной своей жизни и вне брака весьма нецеломудренны, они, тем не менее, очень суеверны. Совершая известный акт, они снимают крест, носимый ими на шее, и удаляют или завешивают на время иконы» (Русская старина 1893: 537).

Бишицки считает очень важным инструментарием переводчика немецкоязычные энциклопедии, относящиеся ко времени создания «Записок охотника», например «Ökonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats- Stadt- Haus- und Landwirtschaft» И. Г. Крюница (Krünitz), насчитывающую 242 тома. Она использует также немецкий словарь Якоба и Вильгельма Гримм, особенно при поиске правильного слова. Полезными для Веры Бишицки были 86 томов Словаря Брокгауза и Ефрона, из которых она черпала информацию о словоупотреблении исчезнувших русских реалий и понятий.

Как и П. Урбан, большую пользу для себя В. Бишицки извлекла также из чтения произведений Теодора Фонтане (Fontane), немецкого современника Тургенева, отыскивая в его текстах исчезнувшие понятия, слова и выражения. Например, в рассказах «Малиновая вода» и «Два помещика» к наказанию кнутом приговорены молодые крестьяне. Аналогичную ситуацию переводчица нашла в позднем романе Фонтане «Stechlin». Сопоставление сходных ситуаций способствует, по ее мнению, развитию чутья языка того времени (Bischitzky 2018: 573).

При передаче описаний природы Бишицки, по ее признанию, помог Курт Тухольский (Tucholsky, 1890-1935), немецкий сатирик, фельетонист и поэт. В своих пояснениях к переводу она особо останавливается на его поэтическом эссе «Mir fehlt ein Wort», в котором он признавался, что не может описать, что происходит с листьями березы, когда их колышет ветер. Тухольский перебирает несколько глаголов, в поисках передачи «их нервного движения» (Bischitzky 2018: 573-574).

Неисчерпаемым источником дополнительной информации для переводчицы стали письма Тургенева, в которых она находила иногда объяснение той или иной реалии. Так, в письме к Людвигу Пичу Тургенев рассказал, что следует понимать под словом-понятием «клин». Наконец, Вера выразила искреннюю благодарность российским литературоведам и тургеноведам за разъяснение некоторых проблем.

Эти признания Веры Бишицки проясняют ее метод работы и конкретные переводческие принципы. Однако хотелось бы выяснить, как в новом немецком переводе воспроизводятся реалии, которые составляют художественное своеобразие тургеновского текста. Переводчица справедливо обращает внимание на орфографию имен в русском языке, разнообразную и видоизменяющуюся в зависимости от ситуации. Для Бишицки существенны такие нюансы в написании имени, как *Михайло* или *Михайла*, *Федор* или *Федя*, полное или усеченное отчество: *Иван Матвеевич* или *Иван Матвеевич*, *Захар Трофимович* или *Захар Трофимыч*, поскольку та или иная форма помогает выразить фамильярность, доверительность или, наоборот, официальное отношение к персонажу. С помощью транскрипции Бишицки передала некоторые русские понятия, например, обращения *Vatjuschka* (кстати, Петер Урбан употребил менее удачное выраже-

ние *Väterchen*, прибегая к замене реалии иностранного языка на реалию переводящего языка), *Matuschka*, *Varin*, *Domowoi*. Вместе с тем переводчица дополнительно объяснила эти понятия в своих примечаниях (Bischitzky 2018: 576).

В. Бишицки приводит пример воспроизведения многозначной реалии из рассказа «Мой сосед Радиллов». Там говорится, что в Радилове нельзя было заметить никакой страсти, «ни к еде, ни к вину, ни к охоте, ни к курским соловьям, ни к голубям, страдающим падучей болезнью, ни к русской литературе, ни к иноходцам, ни к венгеркам, ни к карточной и бильярдной игре ...» и т. д. (Тургенев 1979: 54). Слово «венгерка» задает загадку, оно может обозначать как бальный танец (чардаш), так и женщину венгерской национальности, а также куртку — часть гусарской военной формы. Переводчица решила, что здесь имеется в виду куртка с нашитыми на груди поперечными шнурами, в немецком варианте «Husarenjacke». А в комментарии она упомянула остальные возможные значения (Bischitzky 2018: 595).

Иногда, натолкнувшись на какую-то характеристику, встречающуюся довольно редко, Бишицки ищет ответ в других рассказах охотника. Например, упоминание «улыбающейся собаки» в «Хоре и Калиныче» прояснилось благодаря замечанию автора в «Ермолае и мельничихе»: «Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться» (Тургенев 1979: 20).

Размышляя о трудностях перевода, переводчица приводит еще один пример из рассказа «Бурмистр»:

«В так называемой холодной избе [...] уже возились [...] бабы; они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенелые тулупы, масляные горшки, люльку с кучей тряпок и пестрым ребенком, подметали банными вениками сор» (Тургенев 1979: 129).

В. Бишицки перевела приведенное выражение *пестрый ребенок* как *ребенок, завернутый в пестрые тряпки/лохмотья* — *in bun- te Lappen gewickelt* (Bischitzky 2018: 192). Дословный перевод — *пестрый ребенок* (*buntes Kind*) оказался бы по-немецки довольно двусмысленным выражением. Вероятно, мог бы подойти и вариант *Flickendecke*, т. е. лоскутное одеяло.

В докладе «О новых переводах “Записок охотника” (2018) и “Первой любви” (2018) на немецкий язык» (пока неопублико-

ванном), с которым Бишицки выступила на международной конференции «И. С. Тургенев и русский мир» в Пушкинском Доме (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018), она рассказала, что «процесс проникновения в описанные ситуации», требует чего-то большего, чем «языковое понимание»:

«Нужно отдать месяцы, иногда годы жизни, чтобы погрузиться в мир автора и ознакомиться с историческими культурными и биографическими фактами. Практически это означает чтение бесчисленных первоисточников, писем или записей автора и его современников, походы в музей и в картинные галереи за жанровыми картинами, дающими представление о быте XIX века».

По признанию Веры Бишицки, иногда она с помощью живописи расшифровывает ту или иную реалию или жизненную ситуацию и погружается «в исчезнувшие обычаи, предметы или обстановки».

Переводчица привела еще несколько примеров: в рассказе «Хорь и Калиныч» говорится о *пасеке* Калиныча. Там же идет речь и о *поневах*. Так как в немецком языке такой одежды нет, «надо сначала понять, что такое понева, потом найти немецкий эквивалент (Trachtenröcke), который хотя бы приблизительно вызывает подобную ассоциацию в читателе, а потом уж объяснить в комментарии, что это такое». Петер Урбан употребил в этом случае транскрипцию *fanjova*. Бишицки и в докладе, и в развернутом комментарии к своему переводу пояснила, что «речь идет о непереводимом понятии». Имеется в виду пестрая юбка, одеваемая поверх обычной одежды замужними женщинами.

«К этой юбке относились также особенный головной убор и наплечный платок. В зависимости от местности (округа, уезда, деревни), достатка, количества детей и возраста обладательницы понёвы эти юбки имели различные узоры и цвета» (Bischitzky 2018: 584).

В. Бишицки назвала и конкретные живописные полотна, с помощью которых она «мысленно перемещалась в описываемый мир» Тургенева. Это в особенности «Крестьянские дети» К. Е. Маковского и «Рыбаки» Г. В. Сороки. «Мельник» И. Н. Крамского стал виртуальной иллюстрацией для рассказа «Ермолай и мельничиха», а «Полесовщик», полотно этого художника, прояснило для нее атмосферу рассказа «Бирюк».

3. Результаты исследования и их обсуждение

Что можно сказать о двух последних немецких переводах «Записок охотника»? Какие выводы можно сделать? Очевидно, что оба перевода отличаются добротностью и высоким филологическим уровнем; оба переводчика являются знатоками русской культуры. Тем не менее, интересно сравнить передачу сложных реалий тургеневского текста у Петера Урбана и Веры Бишицки на материале рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч».

Многие реалии русского традиционного быта передаются в обоих случаях одинаково, через транскрипцию: *квас, самовар, кафтан, рубль, верста, десятина, барин*. Точно так же одинаково воспроизводится реалия *лапоть* через кальку *Bastschuhe* (Urban 2004: 11; Bischitzky 2018: 12), состоящую из двух частей — *лыко* и *обувь*. Однако Урбан, стремясь к воссозданию национального колорита чаще, чем В. Бишицки, прибегает к приемам транскрипции и функционального аналога. Например: *Die Hütten* (Urban 2004: 6) — *Häuser* (Bischitzky 2018: 6) для обозначения *избы*; *Telega* (Urban 2004: 8) — *Fuhrwerk* (Bischitzky 2018: 8); *Wagen* (Bischitzky 2018: 89); *die Lampadka* (Urban 2004: 8) — *das ewige Licht* (Bischitzky 2018: 10); *unsere Zakuska* (Urban 2004: 8) — *Imbiss* (Bischitzky 2018: 10).

Во всех этих случаях Урбан объяснял слова в примечаниях. Точно так же поступал и сам Тургенев, когда вместе с Л. Виардо переводил повести Гоголя на французский язык. Ему важно было сохранить исторический и бытовой колорит оригинала (Кафанова 2012: 214-230). Подобную же цель преследует и Урбан. В некоторых случаях вариант Веры Бишицки проигрывает, нивелируя колоритную стилистику подлинника; в ее переводе часто применяются гиперонимы: *Haus* (*дом*) вместо *избы* или *лачуги*; *Wagen* (*повозка*) вместо *телеги*; не очень уместная метафора *das ewige Licht* (*негасимый свет*) вместо *лампады*. С другой стороны, Урбан, наверное, напрасно прибегнул к транскрипции слова *закуска*, которое не выражает какую-то специфическую реалию и только затрудняет восприятие немецкоязычного читателя.

Встречаются и более сложные ситуации. Федя, сын Хоря, возмущается намерением родителя его женить: «На что мне жена? Лаяться с ней, что ли?» (Тургенев 1979: 13). Урбан образует неологизм, возвратный глагол *sich anbellen* от слова *anbellen* (*лаять*), который позволяет почти дословно воспроизвести коло-

ритную речь крестьянского парня: «Was soll ich mit einer Frau? *Mich mit ihr anbellен, ja?»* (Urban 2004: 16). В. Бишицки выбирает более приемлемый для немецкого языка фразеологизм: «Was soll ich mit einer Frau? *Damit wir uns in die Haare kriegen?»* (Bischitzky 2018: 17).

Урбан, пожалуй, более удачно передает на немецкий язык просторечное устаревшее наречие *одначе* (образованное от *однако*), которое любил употреблять Полутыкин; он «вместо *однако* говорил *одначе*» (Тургенев 1979: 8). По аналогии Урбан превратил наречие *jedoch* в *jendoch*, Ср.: «... pflegte statt *jedoch* zu sagen *jendoch*» (Urban 2004: 7). В. Бишицки выбрала наречие *freilich* (которое в первую очередь переводится как *конечно*, и лишь затем как *однако*: «... statt *freilich* sagte er *freili*» (Bischitzky 2018: 8).

Можно найти и еще примеры, в которых Урбан демонстрирует бóльшую точность по отношению к тургеневскому тексту. По-видимому, уместно будет воспользоваться терминологией Б. Д. Добровольского, который, анализируя другой перевод П. Урбана, назвал его переводческую стратегию «стратегией формы», которая выражается в стремлении быть максимально близким к «букве» оригинала и сопровождать сложные места детальным филологическим комментарием (Добровольский 2009). Нельзя сказать, что В. Бишицки не заботится о формальной точности, но вместе с тем в ее переводе гораздо более ощутима «стратегия смысла»; она стремится к максимально полному раскрытию «сложных мест» для немецкого читателя. По-видимому, ее перевод становится более легким для чтения и доступным немецким читателям еще и благодаря богатому культурологическому комментарию.

В анализируемом рассказе «Хорь и Калиныч» переводчица использует диалог рассказчика с Хорем о необходимости расширения грамотности среди крестьян, чтобы подробнее остановиться на этом вопросе в комментарии. Приводим фрагмент из текста Тургенева:

«Его познания были довольно, по-своему, обширны, но читать он не умел; Калиныч — умел. “Этому шалопаю грамота далась, — заметил Хорь [...]. — “А детей ты своих выучил грамоте?” Хорь помолчал. “Федя знает”. — “А другие?” — “Другие не знают”» (Тургенев 1979: 17).

Поясняя феномен «безграмотности» и отношение к нему русского писателя, переводчица в комментарии дополнительно процитировала письмо Тургенева от 4 сентября 1882 г. «Крестьянам села Спасского-Лутовинова»:

«Дошли до меня слухи, что с некоторых пор у вас гораздо меньше пьют вина; очень этому радуюсь и надеюсь, что вы и впредь будете от него воздерживаться: для крестьянина пьянство — первое разорение. Но жалею, что, тоже по слухам, ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время безграмотный человек то же, что слепой или безрукий» (Тургенев 1968: 31; Bischitzky 2018: 585).

Еще один случай, давший переводчице повод для существенного расширения контекста «Записок охотника» в комментарии, мы находим в комментарии к рассказу «Мой сосед Радилов». В нем изображается интересный персонаж, Федор Михеич, имеющий довольно жалкий вид и занимающий в доме двусмысленное положение. По просьбе Радилова он ради развлечения гостя взял «дряньненькую скрипку» и «пустился в пляс», а затем ему накрыли обед отдельно на маленьком столике в углу, и он «начал есть, как акула» (Тургенев 1979: 54-55). Этот неопрятный старик, как выяснилось, в прошлом преуспевающий помещик, после своего разорения нашел кров и пищу в доме Радилова. Он не был назван *нахлебником*, но В. Бишицки сочла необходимым в обширном комментарии рассказать немецким читателям, что подразумевается под этим понятием (*Gnadenbrotempfänger*). «За помощью» она обратилась к произведению современника Тургенева, И. А. Гончарова. Во «Фрегате Паллада» он в своих «Заметках об англичанах и англичанках», сравнивая англичан с русскими, дает исчерпывающую характеристику «нахлебников»:

«А как удивится гость, приехавший на целый день к нашему барину, когда, просидев утро в гостиной и не увидев никого, кроме хозяина и хозяйки, вдруг видит за обедом целую ватагу каких-то старичков и старушек, которые нахлынут из задних комнат и занимают “привычные места”! Они смотрят робко, говорят мало, но кушают много. И Боже сохрани попрекнуть их “куском”! Они почтительны и к хозяевам и к гостям. Барин хватился своей табакерки в кармане, ищет глазами вокруг: один старичок побежал за ней, отыскал и принес. У барыни шаль спустилась с плеча; одна из старушек надела ее опять на плечо и тут же кстати поправила бантик на чепце. Спросишь, кто это такие? Про старушку скажут, что это одна “вдова”, пожалуй, назовут Настасьей Тихоновной, фамилию

она почти забыла, а другие и подавно: она не нужна ей больше. Прибавят только, что она бедная дворянка, что муж у ней был игрок или спился с кругу и ничего не оставил. Про старичка, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажут, что у него было душ двадцать, что холера избавила его от большей части из них, что землю он отдает внаем за двести рублей, которые посылает сыну, а сам “живет в людях”» (Гончаров 1997: 65-66; Bischitzky 2018: 594-595).

Подобные разъяснения, которыми В. Бишицки сопровождает тургеневский текст, превращают ее перевод в источник самых разнообразных сведений о русской культуре.

4. Заключение

По-видимому, не стоит сводить предпринятый анализ к однозначной оценке, лучше или нет новый немецкий перевод «Записок охотника» по сравнению с предыдущим. В любом случае труд В. Бишицки востребован в сегодняшней Германии. Переводчица имеет очень высокое представление о миссии посредника между культурами, к которой сама стремится:

«Переводчик русского классического шедевра должен быть *polyhistor*, то есть энциклопедистом: одновременно и русистом, и германистом, и литературоведом, и этнологом, и лингвистом, и культурологом, и историком, и биологом, порою и медиком, конечно и психологом, даже актером или, по крайней мере, чтецом – если учесть представление готовой книги на творческих вечерах... Конечно, надо быть и литератором и поэтом. И — немаловажное качество — борцом, энтузиастом и идеалистом» (Бишицки 2018: 15).

Вряд ли перечисленные качества способен воплотить один человек, даже и очень талантливый. В этом смысле два немецких перевода «Записок охотника», появившиеся в течение пятнадцати лет, дополняют друг друга. Налицо проявление феномена синхронической переводной множественности, выражающейся в соревновании талантливых переводчиков и в конечном итоге — в обогащении немецкой культуры.

Список литературы / References

Бабкина Е. С., Стрелкова С. П. Особенности передачи русскоязычных реалий на немецкий язык (на материале рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника» и их переводов на немецкий язык) // Время науки. 2018. № 2. С. 40—49. [Babkina, Ekaterina S., & Strelkova, Svetlana P. (2018) Osobennosti peredachi russkojazychnykh realiy na ne-

- metskiy yazyk (na materiale rasskazov I. S. Turgeneva «Zapiski okhotnika» i ih perevodov na nemetskiy yazyk) (Features of the Transfer of Russian-language Realities into German (Based on the I. S. Turgenev's Stories "A Sportsman's Sketches" and their Translations into German). *Vremya nauki*, 2, 40—49. (In Russian)].
- БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка*. Т. 13. СПб.: Наука, 2009. [*Bo'l'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* (A Large Academic Dictionary of the Russian Language). (2009) Vol. 13. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Бишицки В. «Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публикой». По поводу новых переводов «Записок охотника» (2018) и «Первой любви» (2018) на немецкий язык // И. С. Тургенев и русский мир. Материалы международной конференции к 200-летию писателя, 29-31 октября 2018 г. М.: У Никитских ворот, 2018. С. 15. [Bishicki, Vera. (2018) «Stchitayu velikim schast'yem svoey zhizni, chto ja neskol'ko priblizil svoyo otechestvo k vosprijatiyu evropeyskoy publikoy». Po povodu novykh perevodov «Zapisok okhotnika» (2018) i «Pervoy lyubvi» (2018) na nemetskiy yazyk. ("I consider it a great happiness of my life that I have somewhat brought my Fatherland closer to the perception of the European public". About new translations of "A Sportsman's Sketches" (2018) and "First love" (2018) into German. *I. S. Turgenev and the Russian world*. Proceedings of the International Conference for the 200th Anniversary of the Writer, October 29-31, 2018. Moscow: At the Nikitsky gate, 15. (In Russian)].
- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Изд. 4-е. М.: Р. Валент, 2009. [Vlahov, Sergej I., & Florin, Sider P. (2009) *Neperevodimoye v perevode*. (Untranslatable in Translation). 4th ed. Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1997. [Goncharov, Ivan A. (1997) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t.* (The Complete Works and Letters in 20 vols.). Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Добровольский Б. Д. Лексические трудности перевода в лингвокультурном аспекте (на материале романа Кристи Вольф «Медея» и поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. М.: Московский гос. ун-т, 2009. [Dobrovol'skiy, Boris D. (2009) *Leksicheskiye trudnosti perevoda v lingvokul'turnom aspekte (na materiale romana Kristy Volf «Medeya» i poemu Venedikta Erofeyeva «Moskva-Petushki»* (Lexical Difficulties of Translation in the Linguistic and Cultural Aspect (based on Krista Wolf's Novel "Medea" and Venedikt Yerofeyev's poem "Moscow-Petushki"). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Кафанова О. Б. Тургенев — интерпретатор и переводчик Гоголя // И. С.

- Тургенев. Новые исследования и материалы. III. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 214—230. [Kafanova, Olga B. (2012) Turgenev — interpretator i perevodchik Gogolya (Turgenev — Gogol's Interpreter and Translator). In I. S. Turgenev. *Novye issledovaniya i materialy* (I. S. Turgenev. New research and materials). III. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Archeo, 214—230. (In Russian)].
- Максимов С. В. Крылатые слова. СПб: Изд. А. С. Суворина, 1899. [Maksimov, Sergej V. (1899) *Krylatye slova* (Winged Words). Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publ. (In Russian)].
- Ожегов С. И. Словарь Русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 10-е, стереотип. М.: «Сов. Энциклопедия», 1973. [Ozhegov, Sergej I. (1973) *Slovar' Russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian Language). 10th ed. Moscow: Soviet encyclopedia. (In Russian)].
- Русская старина, 1893. Декабрь. [*Russkaya Starina, 1893. Dekabr'* (Russian antiquity, 1893. December). (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Сочинения в 15 т. Письма в 13 т. 1961-1968. Письма. Т. 13. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1968. [Turgenev, Ivan S. (1968) *Polnoye sobraniye sochineniy v 28 t. Sochineniya v 15 t. Pis'ma v 13 t.* (The Complete Works and Letters in 28 vols. Works in 15 vols. Letters in 13 vols.). *Pis'ma* (Letters). Vol. 13. Moscow: AN SSSR. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Письма в 18 т. Сочинения. Т. 3. 1979. М.: Наука. [Turgenev, Ivan S. (1979) *Polnoe sobraniye sochineniy v 30 t. Sochineniya v 12 t. Pis'ma v 18 t.* (The Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 12 vols. Letters in 18 vols.). *Sochineniya* (Works). Vol. 3. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Письма в 18 т. Сочинения. Т. 3. 2002. М.: Наука. [Turgenev, Ivan S. (2002) *Polnoe sobraniye sochineniy v 30 t. Sochineniya v 12 t. Pis'ma v 18 t.* (The Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 12 vols. Letters in 18 vols.). *Pis'ma* (Letters). Vol. 13. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. [Shveytser, Alexandr D. (1973) *Perevod i lingvistika* (Translation and Linguistics). Moscow, Voensizdat. (In Russian)].
- Bischitzky — Tourguéniev, Ivan. (2018) *Aufzeichnungen eines Jägers*. Neu übersetzt von Vera Bischitzky. München: Karl Hanser Verlag.
- Urban — Tourguéniev, Ivan. (2004) *Aufzeichnungen eines Jägers von Peter Urban*. Mit einem Nachwort von Peter Urban. Zürich: Manesse Verlag.

**A New German Translation
of *A Sportsman's Sketches* by I. S. Turgenev**

The article focuses on a new German translation of I. S. Turgenev's *A Sportsman's Sketches*. The research draws on the works on the theory of translation, particularly the problem of the untranslatable. The comparative analysis of translations performed by P. Urban (2004) and V. Bishitsky (2018) has shown that the latter aims at conveying the original meaning through translating and explaining complex realia to the German reader; while Urban chooses the form-focused strategy of translation, striving to be as close as possible to the "letter" of the original. In general, the two translations serve as a manifestation of the synchronous translation plurality, which enriched German culture through the competition of talented translators.

Key words: Translation; Bishitsky; meaning translation strategy; a form-focused strategy